

В поисках «отравителей»: пути распространения слухов в Центральной России летом 1831 г.

Александр Егоров

In search of «poisoners»: the ways of rumor transmission in Central Russia in the summer of 1831

Alexander Egorov
(Petrozavodsk College of Urban Economy, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722020121, EDN: FURHYM

Эпидемия холеры в Европе в 1830–1832 гг. не только привела к большим жертвам, но и вызвала целую серию массовых беспорядков и актов насилия. Всплеск агрессии был тесно связан с распространением слухов, возлагавших вину за необъяснимые и пугающие смерти на отдельных людей или определённые группы населения¹. Бытовали они и в России, появившись ещё осенью 1830 г., практически одновременно с началом эпидемии. Летом 1831 г. их воздействие на население достигло кульминации и ощущалось до осени, когда заболеваемость пошла на спад².

За этот год всю европейскую часть России охватила настоящая холерная паника. Как писал Р. МакГрю, «истерия, вызванная страхом отравления, была в действительности попыткой объяснить мрачные страхи, которые были порождены возвращением холеры. Поскольку яд воспринимался как инструмент, используемый людьми в своих особых целях, истерия фокусировалась на конкретных “козлах отпущения”. Самыми популярными “злодеями” были предполагаемые польские агенты и иностранцы в целом, однако врачи и правительственные чиновники также включались в их число. К середине лета установившаяся массовая фобия поразила равным образом образованные и необразованные слои населения»³.

О холерных волнениях 1831 г. писали в историографии преимущественно мемуаристы и публицисты⁴, исследователи обращались к ним сравнительно

© 2022 г. А.К. Егоров

¹ Рюде Д. Народные низы в истории. 1730–1848. М., 1984. С. 231; Evans R.J. Epidemics and revolutions: cholera in nineteenth-century Europe // Past & present. 1988. Vol. 120. Issue 1. P. 131, 136–139.

² О распространении эпидемий холеры в России см.: Patterson K.D. Cholera diffusion in Russia, 1823–1923 // Social science & medicine. 1994. Vol. 38. № 9. P. 1171–1191.

³ McGrew R. Russia and the cholera, 1823–1832. Madison, 1965. P. 106–107.

⁴ Бунт военных поселян в 1831 году. Рассказы и воспоминания очевидцев. СПб., 1870; Граф Аракчеев и военные поселения. 1809–1831. СПб., 1871; Европеус И.И. Воспоминания // Русская старина. 1872. Т. 6. С. 547–558; Селиванов И.В. Холера в Петербурге в 1831 году (рассказ очевидца) // Русский архив. 1868. № 6. Стб. 958–962; Лукинский В. Бунт в военных поселениях в 1831 г. Рассказ священника-очевидца // Русская старина. 1879. Т. 25. С. 731–738; Матвеев Н.Е. Бунт в Старой Руссе в 1831 г. Рассказ очевидца // Там же. С. 389–398; Пржецлавский О.А. Воспоминания. Очерки Петербургской жизни // Русская старина. 1874. Т. 11. С. 665–698; Рассказ священника Иоанна Парвова // Русская старина. 1870. Т. 1. С. 280–294; Ховен И.П. Холера в С.-Петербурге в 1831 году.

но редко и освещали в основном события, связанные с бунтами в Петербурге и в Новгородских военных поселениях⁵. Возникновение и распространение в то время слухов об «отравителях» до сих пор не анализировалось сколько-нибудь подробно. МакГрю видел в панике лета 1831 г. реакцию русского общества на холеру и антихолерные мероприятия, но рассматривал её в целом, не углубляясь в конкретные локальные эпизоды⁶. Между тем их изучение помогает лучше понять сложившуюся тогда обстановку и логику поведения людей.

В полной мере это относится к одному из очагов массового беспокойства, который возник в Орловской, Тульской и Калужской губерниях. 29 августа 1831 г. дворяне Елецкого уезда Орловской губ. в своём письме сообщали шефу жандармов А.Х. Бенкендорфу о том, что «все беспорядки, случившиеся в Ефремове, Туле, Москве, Новгороде и самом Петербурге, суть последствия злодеяний в г. Ельце», где распространялись слухи о том, будто никакой эпидемии нет, но «дворяне рассылают людей с ядами, отравляют крестьян своих, под видом лечения их от мнимой заразы», и употребляют «другие подсобные средства для уничтожения народа». Подобные разговоры, как утверждалось в письме, велись в среде елецкого купечества и поддерживались некоторыми подкупленными чиновниками⁷. В результате «задерживались в некоторых казённых селениях проходящие люди и обыскивались — не имеют ли они при себе яда, были оскорбительные выражения насчёт иных дворян, толки об отравлении ими не только колодезей, но прудов, рек и съестных припасов, некоторые мещане позволяли грубости против господских людей, приезжавших на рынки»⁸. Как указывали авторы письма, делалось всё это в том числе и для возмущения крестьян против помещиков.

Как информировал управляющего МВД елецкий уездный предводитель дворянства, местные жители говорили, что «эпидемической болезни холеры в городе Ельце и некоторых селениях и деревнях уезда будто бы не существовало, а если болезнь и смертность и происходили в народе, то будто бы сие было следствие яда, бросаемого мной и дворянами в колодези»⁹.

Конечно, дворяне, пытаясь поставить свой уезд в центр всего случившегося тревожным холерным летом 1831 г., многое преувеличивали. Так, июньские «беспорядки» в Петербурге происходили раньше событий в Ельце, а новгородские военные поселения находились слишком далеко от Орловской губ. Тем не менее угроза массовых беспорядков встревожила представителей власти.

Началось же всё с того, что в конце июня 1831 г. в селе Чернаве Елецкого уезда Орловской губ. была задержана крестьянка Дарья Конева. На допросе

Рассказ современника и очевидца // Русская старина. 1884. Т. 44. С. 391–400; *Эйлер А.А.* Записки // Русский архив. 1880. Кн. 2. С. 333–399; *Ярош С.А.* Доктор Иван Тимофеевич Богородский, одна из жертв бунта военных поселян 1831 г. // Русская старина. 1886. Т. 49. С. 581–586.

⁵ *McGrew R.* Op. cit. P. 98–128; *Барабанова К.С.* Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия и отношение к ним горожан // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 130–144; *Гессен С.* Холерные бунты (1830–1832 гг.). М., 1932; *Евстафьев П.П.* Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. М., 1934; *Каратыгин П.* Холерный год. 1830–1831. СПб., 1887.

⁶ *McGrew R.* Op. cit. P. 106–107.

⁷ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 578, л. 1–14; РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 449, л. 58. После последовавшего расследования Николай I повелел сделать строгий выговор елецкому купечеству за «неосновательное оскорбление дворянства» (РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 449, л. 94).

⁸ РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 449, л. 30–38.

⁹ Там же, л. 5 об.

она показала, что вместе с 27 другими крестьянами была отправлена своим помещиком Николаем Даниловым, проживавшим в селе Полякове Шигровского уезда Курской губ. «в разные места для метания в колодцы мышьяку». Данилов якобы «после Светлой седмицы спустя три недели в воскресный день через дворового своего человека призвал её к себе в дом и дал завязанного в ветошке истолчённого в мелкий порошок, как он сказал, мышьяку», пообещав после исполнения поручения отпустить на волю¹⁰.

Однако вскоре выяснилось, что, будучи в дороге по своим делам, Конева сбилась с пути и подошла к колодцу, желая напиться воды. «Тут, — рассказывала она, — вышедшие из кабака мужики в пьяном виде, несколько человек, увидя меня около колодца, окружили, говоря с бранью, что я будто бы что-то бросала в колодец, принуждая меня в том признаться. Я, видя, что они пьяные, и боясь, чтобы не прибили меня, говорила им то, чего они от меня домогались, после чего они препроводили меня в город Елец, где меня в земском суде допрашивали». В конце концов Конева заявила, что на самом деле ничего в колодцы не бросала, а Данилова оговорила «из страха»¹¹. Ложность её первоначальных показаний подтвердил и исправляющий должность начальника II округа Корпуса жандармов П.И. Апраксин, 5 августа доложивший Бенкендорфу: «По исследованию в доме помещика Данилова равно и крестьян его ничего вредного не обнаружено»¹².

Однако Елецкий земский суд отнёсся к выдумкам Коневой очень серьёзно и даже направил бумагу о разосланных с ядом крестьянах городничему в г. Ефремов, находившийся в соседней Тульской губ. При этом произошло непредвиденное: когда данное сообщение распечатывалось в типографии, её служители «раздавали такие экземпляры и частным лицам»¹³. Как отмечал 24 июля в донесении министру внутренних дел тульский военный губернатор Е.Е. Штаден, это вызвало «распространение слухов и объявлений, сопровождавшихся толками. Они произвели в жителях города Ефремова и его уезда, пограничного с Елецким, сомнение к проходящим и проезжающим, особенно если кто из них приближался к колодцам, которые от того даже запирали. Недоверчивость сия подкреплялась тем, что в то же время в Ефремове и по уезду появилась холера»¹⁴.

Уже 28 июля Апраксин известил Бенкендорфа: «Майор Бегичев из Тулы доносит мне, что по случаю существования в Ефремовском уезде холеры назначенный попечителем одного участка в оном прапорщик Вельтишев, будучи в деревне Латошке, вздумал вылить в колодец несколько хлориновой воды. Жители в числе 8 человек, взяв в оном подозрение, прибыли для объявления в город Ефремов, где от разглашения их составила толпа любопытных людей и требовала выдать им Вельтищева, потом отправились в городскую больницу, взяли оттуда самовольно одного больного и отвели его в дом к Вельтищеву. Сим, однако же, дальнейшие беспорядки прекратились, ибо местные чиновники обще с членами магистрата, приступив тотчас к исследованию поступка Вельтищева, толпу сию успокоили и водворили тишину по-прежнему»¹⁵.

¹⁰ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 406, л. 1–2.

¹¹ Там же, л. 12.

¹² Там же, д. 359, л. 21.

¹³ РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 481, л. 5.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 359, л. 13–13 об.

К 5 августа «следствие выяснило, что Вельтищев совершил необдуманый поступок — от простоты и знакомства его с однодворцем, коему рассказывал общие слухи, будто злонамеренные люди воду отравляют, имел опрометчивость вылить в колодец несколько бывшей при нём хлориновой воды... Вельтищев для успокоения однодворцев пил воду из колодца, но они, взяв у него пузырь с хлором, донесли о сём в Ефремов»¹⁶. В итоге действия Вельтищева полицейские власти сочли опрометчивыми¹⁷.

Начались беспорядки и в Туле. 10 июля толпа привела к тульскому полицмейстеру полковнику Хрущову коллежского секретаря Николая Бабкина, служившего ранее в Тотемском уездном суде дворянским заседателем, но уволенного со службы «за нетрезвость»¹⁸. Горожане говорили, что «дело сие им уже известно из имеющих у них печатных афишек, и представили одну таковую, никем не подписанную»¹⁹. По словам же Бабкина, он возвращался с богомолья из Киева и перед самым домом был схвачен за то, что «будто бы посыпал нечто по дворам и в Никольский колодезь» или «сыпал какой-то порошок в колодезь». Ни в каких «злонамеренных» действиях задержанный не сознался, ничего подозрительного у него дома не обнаружили, вода в колодце оказалась безвредной.

Но какое «дело» было «уже известно» в Туле и о каких «афишках» шла речь? В печатном объявлении тульского военного губернатора, составленном для успокоения населения, утверждалось: «Когда распространились слухи, будто неблагонамеренные люди по городам и селениям кидают в колодцы мышьяк и отравляют съестные припасы, то начальство Тульской губернии приняло тогда же деятельнейшие меры для открытия истины, дабы о том, что окажется, известить жителей Тулы. Открылось, что сей ложный слух имел начало своё от женщины, лишённой ума, в городе Ельце»²⁰. Очевидно, при этом подразумевалась Конева, а Бабкина приняли за одного из отравителей.

Но откуда народ узнал про это «дело»? Прежде всего сказалось разглашение конфиденциальной информации сотрудниками типографии: «печатная афишка» являлась сообщением из Ельца в Ефремов или подобным документом. Вместе с тем даже документы, предназначавшиеся для успокоения населения, создавали потенциальную опасность для общественного порядка. В частности, об отравлении как возможной причине холерной смертности те жители, которые об этом ещё не слышали, могли узнать именно из печатного объявления тульского военного губернатора.

О Коневой и её «преступлении» через переписку губернских властей стало известно и в Калужской губ. 18 июля штаб-офицер корпуса жандармов доносил Бенкендорфу из Калуги: «Слухи об отравлении воды в колодцах начались со времени появления в России холеры, особенно таковые слухи чрезвычайно усилились по предположению, будто бы в белорусских губерниях поляки через своих агентов стараются возмутить народ, который, не смея восстать явно, действует тайно всеми способами к произведению зла. Ныне сделалось гласно, что здешний г[осподин] гражданский губернатор получил отношение от правящего должность тульского, [которое] извещает, что уличённая женщина

¹⁶ Там же, л. 20–20 об.

¹⁷ РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 481, л. 1.

¹⁸ Там же, л. 2.

¹⁹ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 406, л. 18.

²⁰ Там же, д. 359, л. 23.

в отравлении ядом колодезной воды показала более 20 человек соучастников её, посланных Курской губернии Шигровского уезда от помещика Данилова по разным направлениям, с одним и тем же поручением; отношение сие хотя и основывается на показаниях самой уличённой, но по здравому смыслу вероятия не заслуживает; а между тем народ приводит в уныние»²¹.

Характерно, что тульские губернские власти сообщали именно о первоначальных показаниях Коневой, ложность которых тогда ещё не выявили. При этом не только «тёмные» низы, но и чиновники и в Туле, и в Ельце, и в других регионах страны, вопреки официальным заявлениям о природном происхождении холеры²², по меньшей мере допускали возможность отравления. Случай же с Вельтищевым показал, что и те, кому официально поручалось вести борьбу с холерой, невольно способствовали усилению тревожных слухов. И в Туле, и в Калуге власти преднамеренно или непреднамеренно предали огласке непроверенное сообщение, поскольку, скорее всего, сами не считали его неправдоподобным и пытались предупредить других. Этим могли руководствоваться и служители типографии, раздававшие текст с «сенсационной» и пугающей «новостью» посторонним.

Слова Коневой про целую группу злоумышленников, разошедшихся с ядом в разные стороны, получив широкую огласку, действительно могли спровоцировать активный поиск и задержание «отравителей». Согласно объявлению орловского комитета по борьбе с холерой, «в некоторых местах Елецкого уезда были взяты подозрительные люди, показавшие, что были посланы для отравления в колодезях и прудах воды. Показания эти не подтвердились, некоторые из этих людей сделали это в припадке сумасшествия, другие хотели оклеветать невинных или скрыть преступления... но “чернь” верит таким нелепостям, и приходит в суждение, отвлекается от своих занятий, не блюдёт о домашних обязанностях и трепещет от такой опасности, коей вовсе и не существует»²³. Тульский военный губернатор объявлял о том, что «несколько бродяг, пойманных без письменных видов, единственно в намерении продлить отправление к местам, куда принадлежат, воспользовались ложным сим слухом и показали при допросах, будто они посылаемы были для отравления колодезцев»²⁴. В частности, из елецкого земского суда губернатору сообщали, что «был пойман бродяга, метавший в колодцы яд, он показал себя дворовым человеком, посланным от помещика Броничева, живущего Тульского уезда в деревне Авсейской — но на самом деле ни такового помещика, ни селения не оказалось, показания бродяги оказались ложью»²⁵.

Поймали «отравителя» и в Калужской губ. 29 августа Апраксин уведомил Бенкендорфа: «Подполковник Вепрейский доносит мне, что Калужской губернии в Мосальском уезде поймали в селе Ивановой Дубраве крестьянина помещицы Левашовой Михайла Кирова, бросающего что-то в колодцы. При спросе на месте он показал, что он с 11-ю человеками крестьян вотчинным своим бурмистром Ефимом Анисимовым послан в разные места с данною им травой.

²¹ Там же, л. 9–9 об.

²² Об этом, в частности, говорилось в манифесте «О смятении, бывшем в некоторых губерниях и Санкт-Петербурге, по случаю разнесшихся нелепых слухов о мнимых причинах смертности при появлении эпидемической болезни холеры» (ПСЗ-II. Т. 6. СПб., 1832. № 4746. С. 741–743).

²³ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 406, л. 13–14.

²⁴ Там же, д. 359, л. 23.

²⁵ РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 481, л. 11.

В земском же суде добавил, что траву в колодцы бросать велено для здоровья. По обыску в доме бурмистра никаких ядовитых веществ не найдено, и из 11 человек некоторые находятся в отлучках с давних времён, другие давно умерли, а иных... вовсе не было». Колодцы в Ивановой Дубраве проверили и вычистили, вода в них оказалась безвредной. В результате, «по сбивчивости и несговорчивости в словах» заподозрили, что Киров «находится не в здравом рассудке». Между тем «случай сей произвёл в народе толки и несообразные опасения»²⁶.

Некоторые брали на себя вину не под угрозой расправы, а добровольно. К примеру, орловский губернатор А.В. Кочубей докладывал, что однодворец Абрам Антипов утверждал, будто елецкий уездный предводитель дворянства Ильин «насиленно дал ему яд и приказал бросать в колодцы с обещанием в награду 6 руб.». По словам крестьянина, «он, отошедши с полверсты от его селения, бросил тот яд в рожь, а сам возвратился в своё селение и объявил о том обществу». Другой однодворец Ефим Кривонос «показал, что крестьянин его же, Ильина, Егор Петюхин, у которого он находился в работниках, дал ему ядовитое вещество, которое и бросил он по его научению в три колодези»²⁷.

И всё же Дарья Конева и её «сообщники» не могли являться ни первоисточником соответствующих слухов в данном регионе, ни единственными виновниками возникших там беспорядков. Об отравителях в России заговорили задолго до того. Так, ещё осенью 1830 г. среди помещиков, чиновников и военных в Симбирской и Херсонской губерниях высказывались и обсуждались слухи и мнения о том, что колодцы отравляют злоумышленники, и именно это является настоящей причиной гибели людей, приписываемой властями действию болезни²⁸.

Летом 1831 г. подобные подозрения звучали уже на обширной территории и вызвали настоящую панику: боясь отравления, люди отказывались покупать хлеб, заколачивали колодцы и пили речную воду; незнакомцы, проходившие мимо селений, вызывали у местного населения особое недоверие²⁹. «Отравителей» ловили повсеместно. Самыми крупными эпизодами связанными с этим массовых беспорядков стали июньская «охота на отравителей» в Петербурге³⁰ и июльские кровавые бунты в новгородских военных поселениях³¹.

В Ельце, как отмечал орловский губернатор, ещё в начальный период эпидемии (холера, по его данным, появилась в городе 21 июня) «общее согласие было нарушено одним мешанином, который, усомнившись, что лекарь Путерницкий в лекарстве, предписанном больной жене его, вмешал яд, объявил о том некоторым гражданам и в сопровождении их явился в [холерный] комитет, но сие сомнение было тогда же разрешено инспектором врачебной управы, мешанин признался в своём заблуждении, и Путерницкий [его] великодушно простил»³². Однако «в скором времени холера распространила своё действие в уездах, а с тем вместе явилась молва, что холера не есть болезнь, а следствие отравления. Сие безрассудное мнение *ещё более подтвердилось* (выделено

²⁶ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 359, л. 24–24 об.

²⁷ РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 449, л. 30–38.

²⁸ ГА РФ, ф. 109, 4 эксп., оп. 170, д. 214, л. 3; 1 эксп., оп. 6, д. 22, л. 1–1 об.

²⁹ Подробнее о страхе отравления см.: ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 359.

³⁰ *McGrew R.* Op. cit. P. 110–111; *Барabanова К.С.* Первая холера в Санкт-Петербурге... С. 135–136; *Каратыгин П.* Указ. соч. С. 51–52.

³¹ *McGrew R.* Op. cit. P. 117–121; *Евстафьев П.П.* Указ. соч.

³² РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 449, л. 30–38.

мой. — А.Е.) показанием крестьянки шигровского помещика Дарьи Коневой, которая призналась в отравлении колодцев. С тех пор купечество и даже некоторая часть дворянства поверили сему злодеянию, во многих местах как по распоряжению земского суда, так и по собственному убеждению, колодцы были вычищены и к оным приставлены караулы. Начали брать людей, подозреваемых в умышленном отравлении оных, и так как многие из них по примеру Коневой сами себя обвиняли в сём преступлении, будто бы оное делали по научению своих владельцев, родилось между однодворцами подозрение, что помещики здешние участвуют в сём преступлении. Сие подозрение тем более усилилось у однодворцев, что они состоят с дворянами в чресполосном владении [и] имеют с ними поземельные споры; впрочем, молва сия не имела никаких важных последствий, кроме некоторого упорства против принятых мер посредством попечителей для прекращения холеры учреждённых... Помещичьи крестьяне во всё сие время и поныне к владельцам находятся в непоколебимом повиновении»³³.

Кочубей указал на характерную для холеры 1830–1831 гг. особенность: в начале эпидемии ответственность за странные и неожиданные смерти возлагалась на врачей, которые якобы «морили» людей. Часто местом предполагаемых злодеяний считались больницы. Однако затем, с течением времени, круг подозреваемых расширялся — травить теперь мог любой и везде. И та же Конева говорила именно то, что от неё требовали задержавшие её «мужики», которые уже обладали «информацией» о неких злоумышленниках — собственно поэтому они и обратили внимание на незнакомку у колодца. Это делалось в Европейской России повсеместно. В одном Петербурге во время холерных бунтов в июне 1831 г. народом были пойманы десятки людей, подозреваемых в «отравлении»³⁴.

Многие из них по тем или иным причинам брали на себя вину. Так, 21 июля в Вологодском уезде была задержана крестьянка Марфа Гаврилова, заявившая земскому суду, будто была «усильно взята на лесу тремя неизвестными ей людьми, бродила с ними по селениям четыре недели, и что они... отравляли ядом колодцы, кадки с водою и... кушанье крестьян». За участие в этих действиях сообщники якобы обещали заплатить ей 150 руб. Однако вскоре было установлено, что свои показания она дала, опасаясь расправы, поскольку крестьяне с Кубенского избивали её, угрожая сжечь на костре и требуя от неё признания в отравлении людей³⁵. Похожая история в июле 1831 г. произошла с Авдотьей Марковой в Царскосельском уезде Петербургской губ. Крестьяне истязали женщину, «подымали на веревке к крышечному желобу», вынудив сознаться в том, что она их отравляет³⁶.

Любопытно, что и в этих случаях представители местной власти очень серьёзно отнеслись к изначальному самоговору задержанных. Вологодский губернатор, узнав о показаниях Гавриловой, даже послал частного пристава «в погоню за её товарищами»³⁷.

Слухи об отравителях довольно равномерно распространялись по всей европейской территории России. Однако для того, чтобы конкретный эпизод

³³ Там же, л. 30–38.

³⁴ См.: РГВИА, ф. 36, оп. 2, д. 346.

³⁵ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 482, л. 2 об.—13 об.; РГИА, ф. 1286, оп. 5, 1831 г., д. 484, л. 1–8 об.

³⁶ ГА РФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 6, д. 466, л. 2–5 об.

³⁷ Там же, д. 482, л. 8 об.—9.

приобрёл региональное звучание, требовалось стечение обстоятельств. В случае с Коневой мы имеем ряд таких обстоятельств, при изъятии хотя бы одного из них этот эпизод не выделялся бы из ряда многих других — одни поверили в отравления, другие нарушили должностные обязанности, раздав посторонним текст для внутреннего пользования, третьи использовали этот эпизод для защиты своих групповых или коммерческих интересов, четвёртые стали действовать по примеру Коневой. Это было похоже на снежный ком — случай с Коневой, двигаясь по целине местных практик, породил довольно большую «вербальную массу», встревожившую власти нескольких губерний.

Как отмечал Тамоцу Шибутани, слух не является вещью, подобной кирпичу, по очереди передаваемому из рук в руки, но представляет собой коммуникативную практику множества людей и «есть обычно краткое выражение, суммирующее общий смысл многих различных вербализаций»³⁸. Механизм его распространения слишком сложен и никогда не сводится к исключительной роли одного человека. Согласно классической теории, сформулированной ещё в годы Второй мировой войны и ныне оспариваемой исследователями, слухи в процессе передачи претерпевают существенные трансформации: «По мере того как слух распространяется, он становится более коротким и сжатым, легче понимаемым и рассказываемым. В следующих друг за другом версиях всё больше первоначальных деталей сглаживается, меньше слов употребляется и меньше тем упоминается»³⁹. Однако слишком «абстрактный» слух распространяться и воздействовать на общественные настроения не будет — ему не поверят. Анализируя «Великий страх» 1789 г., Ж. Лефевр хорошо показал, что паника охватила Францию именно потому, что рассказы о бандитах были полны подробностей. Взрывная мощь рассказов заключалась в их конкретности, в том, что они содержали много «подробностей» и «деталей», создававших эффект реальности⁴⁰. Более того, по наблюдениям Ж.Н. Капферера, «когда люди передают слух, они склонны, для повышения степени его правдоподобия, изобретать или приписывать молву близкому другу, кто знает некоего влиятельного или надёжного информатора, который по секрету рассказал ему некий секрет. Структурно этот первоначальный очевидец наделяется характеристиками, которые делают его надёжным источником по данному вопросу»⁴¹.

Холерная паника и волнения 1831 г. также были вызваны не отвлечёнными толками о том, что некие неизвестные люди отравляют народ, а конкретными рассказами и «реальными» примерами того, как действовала та или иная Дарья Конева. Как известно, восстание военных поселян в июле 1831 г. вызвали не столько сами разговоры об отравлениях, сколько наличие «очевидцев», утверждавших, будто в Петербурге с отравителями смогли расправиться и они сами в этом участвовали⁴².

Нечто подобное имело место и позднее, когда во время холерных бунтов 1892 г. появлялись люди, якобы спасшиеся от «морителей». Так, в Саратове,

³⁸ *Shibutani T.* Improvised news: a sociological study of rumor. Indianapolis, 1966. P. 8–9, 16.

³⁹ *Allport G.W., Postman L.* An analysis of rumor // *The public opinion quarterly.* 1946–1947. Vol. 10. № 4. P. 505.

⁴⁰ *Lefebvre G.* The great fear of 1789: rural panic in revolutionary France. N.Y., 1973.

⁴¹ *Kapferer J.N.* A mass poisoning rumor in Europe // *The public opinion quarterly.* 1989. Vol. 53. № 4. P. 477.

⁴² *Панаев Н.И.* Рассказ инженер-подполковника Панаева, производителя работ в округе поселенного гренадерского императора Австрийского полка // *Бунт военных поселян...* С. 80.

где уже толковали о том, что врачи морят больных в больницах, появился человек (предполагалось, что это был штукатур Попов) в испачканной известью простыне, по его словам, едва освободившийся из гроба⁴³. Тем самым он стал своего рода «аффективным объектом», материализовавшим зловещие домыслы.

В губерниях Центральной России летом 1831 г. рассказы об отравлениях вкупе с необъяснимыми смертями вызывали беспокойство и поиск «отравителей», поимка которых, тем более «признавшихся» в «злодеянии», подтверждала худшие предположения и переводила их в разряд фактов. Подобный слух в самом себе содержал потенциал подтверждения — стоило лишь поймать убийц, и тогда они всё подтвердят. Это, в свою очередь, многократно усиливало беспокойство, доводя его до паники, вело к новым поискам злоумышленников и даже к массовым беспорядкам. После вспышки агрессии опасность на время отступала — до новой конкретизации и «подтверждения» на локальном материале. И тогда волнения возобновлялись, но уже в другое время и в ином месте. Вместе с тем рассмотренные эпизоды демонстрируют сложность процесса распространения слухов и его зависимость от местного контекста, а также взаимодействия разных институтов, социальных групп и отдельных лиц между собой.

⁴³ *Визе Ш.* Слухи и насилие: холерные бунты в Саратове в 1892 г. // *Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории.* Челябинск, 2011. С. 307. Известь во время холерных эпидемий применялась для дезинфекции, в том числе и для пересыпания могил умерших. Население же могло воспринимать её и как одно из отравляющих веществ.